

Даже крошечный кусочек фрукта, который попал ей в рот, вызвал бунт ощущений пронзивших ее тело. Она чувствовала, что ее внутренние резервы начали чуть-чуть восстанавливаться, и тихий порыв поразил ее мозг, как локомотив. Первоначальный порыв заставил ее ослабнуть в коленях таким деликатным образом, которого она, конечно же, не ожидала в ее нынешней ситуации.

С задыхающимся стоном она словно стекла, расплавилась в лощине дерева и собиралась начать слизывать пушистый беспорядок капель и кусочков фруктов с рук, пытаясь восстановиться, когда легкий «удар» ознаменовал третий плод, упавший перед ней. Липкая масса желе в ее волосах и на ее теле мгновенно забылась, она уронила заляпанную соком мочалку, чтобы схватить гигантский красный фрукт дрожащими руками. Если только вкус и кусочек плода сделали это, то насколько лучше был бы настоящий укус? Целый плод? Без каких-либо дальнейших колебаний она впилась в фрукт. Самое близкое, как она могла бы описать новый вкус, было бы мягким мясом вишни с хрустящим ароматом сочного яблока, но более интенсивным. Каждый кусочек, который она поглощала, посылал кульминационные волны удовлетворения через все ее тело, которых было почти достаточно, чтобы прорваться сквозь ощущение сильного голода. К третьему укусу она почувствовала, как страдание от эффекта [Голодание] падает до [Голода]. Еще три укуса, и это тоже было оставлено позади, и она почувствовала, что ее запасы ресурсов немного отступили. Мана увеличилась больше всего, но она также могла чувствовать рост здоровья и выносливости.

Преодолев крайний голод, больше не заставляя себя отвлекаться на него, она смогла немного замедлить процесс насыщения. Не так сильно замедлить, учитывая, насколько поразительно оргазм от принятия фруктов был для нее сладостен, но достаточно для того, чтобы она немного восстановила холодность мыслей и ума. Своими внутренними чувствами, усиленными [Голодным восстановлением], вкусная еда ощущалась внутри как светящиеся кусочки сияющего удовлетворения, которые улеглись в ее животе; это было более удовлетворительное послесвечение, чем после любого секса, который она когда-либо испытывала.

Она могла прочувствовать больше, чем смогла бы увидеть, как пылающая энергия рассеивается в ее крови, и повсюду, куда бы она ни проникла, ее тело постепенно восстанавливалось. Это был медленный процесс, но она чувствовала, как ее тело начинает заполняться. Ее ребра уже не были столь выраженными, и она не ощущала себя такой уж костлявой, когда она сидела на гладкой коре своей ниши. Чувственное наслаждение, разливающееся порывами по ее телу с каждым глотком, казалось, только усиливалось, но в то же время она оказалась более способной выдержать его, не переставая при этом извиваться и хныкать, когда она продолжала есть.

Вскоре весь плод был полностью поглощен, и Морган только прекратила слизывать липкие останки с пальцев и рук, когда снова обратила внимание на множество неприятных перышек и останков птенцов и гнезда, которые все еще покрывали половину ее тела. Она крепко сжала губы, до того ей стало дурно, отчего она вскоре расплевалась, с неприятной гримасой, но опыта у нее было достаточно, чтобы подтолкнуть ее назад к некоторому подобию самоконтроля.

Но у нее не было абсолютно никакого шанса, Морган не могла встать на ноги, с теми потрясающими ощущениями, которые содрогали ее тело каждую секунду уже приличное количество времени.

Несмотря на это, она решительно предпочла эту ситуацию тем крайностям боли и дискомфорта, которые она испытала каждый раз, когда что-то случилось с ней в этом новом мире. Сумма ее опыта с момента прибытия в это странное новое место была испытанием одного ужасающего кризиса за другим, и внезапно неожиданные волны эйфории были чем-то, чего она никогда не просила.

Морган осознала, что плоды дают намного больше, чем результат обычного поглощения. Ее запасы ресурсов росли медленно, но постепенно на обратном пути к безопасным уровням, и ничто не пыталось убить ее прямо в этот момент.

Она подняла свою родную мочалку и снова обняла ее, когда увидела худшее пятно из тех липких беспорядков, которые пачкали все ее тело. Был предел тому, насколько хорошо она могла очиститься без источника воды, хотя вскоре кружевная плотность мочалки была насыщена липким фруктовым соком и вся оказалась покрыта мякотью фруктов, а также грязью и птичьими останками.

«Все покрыто ... фруктовым веществом ...» - сказала Морган мочалке в своих руках. «Я просто назову эти фрукты чудесными, хотя они выглядят похожими на обычные вишни и на вкус, как яблоки и гигантские...» Она сделала паузу, пытаясь вздохнуть, когда другая волна удовольствия прервала ее мысли. «Э-э ... и называя их гигантскими штуками... на самом деле, я не имею в виду...»

Морган почувствовала себя очень сонной. Явное безумие ее положения, постоянный близкий опыт смерти, все принесло разносторонние потери, и пока ее тело исцелялось из-за плода, она испытывала истощение самой своей души. Когда следующая волна ощущения врезалась в нее, она скользнула вниз и просто улеглась на бок, мягко прикладывая насыщенную фруктами мочалку на пол, прежде чем впасть в тихий сон.

Морган спала. Ее трапеза, недавно названным «чудесным» фруктом, продолжала работать во время сна, медленно восстанавливая своими лучиками здоровье и ману и выносливость до полноты.

Однако ее приятный сон продолжался всего несколько минут. Ее глаза открылись, когда [Голый инстинкт] закричал в ее сознании от ощущения надвигающегося бедствия. Ее чувства стремления к спасению позволили ей увидеть в пугающих деталях, насколько все было плохо.

Восстановительные энергии от кусочков фруктов, которые она так беспечно назвала «чудом», продолжали течь в ее тело, подталкивая ее запасы здоровья и выносливости, своим избытком превосходя в два раза больше, чем вмещала в себя ее стабильная текущая статистика. Еще более ужасающим фактом было то, что она могла ясно видеть, как пылающая сущность плода внутри нее продолжает рассеиваться по ее крови и остальной ее ткани, а ее запас маны увеличивается намного быстрее, чем выносливость или здоровье. От этого дисбаланса она уже чувствовала жар и лихорадку, и когда ее мана словно достигла тройного ее нормального максимума, появилось новое сообщение о статусе:

Состояние сокрушено: [Горение Маны]!

Вы проглотили больше Маны, чем может содержать ваше тело!

Этот эффект может складываться (стеками) для увеличения урона!

С новым статусом болезненного состояния Морган почувствовала, что ее лихорадочное тело нагревается еще сильнее, и ее неуклонно растущие пункты здоровья перестали тикать вверх. Повышенное тепло, казалось, было вызвано сиянием поглощенного фрукта внутри нее, чтобы еще больше усилиться, сбросив еще большую часть чрезвычайно сосредоточенной маны в ее систему жизнедеятельности. Взглянув на навес ветвей, она лихорадочно повторила тот же самый процесс, который изначально забрызгал все кругом ворсистым желе. Первый [Пульс Маны] даже не вызвал заметных изменений в ней, так как она почувствовала, что ее мана продолжает расти, превышая более чем в четыре раза ее естественную совокупность.

Уведомление, которое она прочувствовала больше, чем просто увидела, означала приход еще одно несчастья Горения Маны поверх начального оригинала, и Морган почувствовала, как ее кровь зажглась. Это продолжалось с все большим количеством импульсов маны и Морган чувствовала, что сама начинает сгорать изнутри. Она закричала и отчаянно выплеснула всю свою волю. Весь ее мир превратился в фиолетовое пламя. Не осознавая этого, она сумела направить импульс маны в новую непрерывную волну прямо вверх над своим телом. Уведомления были не услышаны в наступившей агонии, но она чувствовала, что ее здоровье сгорает быстрее, чем восстанавливается поглощенной фруктовой сущностью.

Она знала, что ей нужно восстановить свое здоровье, и единственный способ сделать это - это выплеснуть свои усилия в импульсы Пульса Маны, чтобы помочь своему исцелению. Она каким-то образом стабилизировала свой запас маны от двукратного увеличения, но ее инстинкты предупреждали ее, что вскоре только этим невозможно будет обойтись.

Когда ее здоровье упало до определенного предела, она решилась на новый шаг, хватаясь за него как за новую счастливую случайность.

Единственное, что могло спасти ее, это процесс начального восстановления здоровья, которое происходило от активации [Голого восстановления], но это был подарок с двойным дном. Умение также увеличивало ману в обновленной [Голой] форме, а два стека сгорания маны становились тремя. Ее кровь сжигалась с еще большей жарой, и только еще одно повышение навыка [Сопротивление боли] сохраняло ее в сознании. Перед тем, как ее тело было полностью сожжено безудержным ожогом маны, спасение появилось перед ее глазами в виде самых желанных уведомлений, которые она еще видела:

Вы приобрели Умение [Сопротивление Маны]!

Вы приобрели навык [Сродство Маны]! Мана течет через ваши вены и теперь подчиняется

вашей воле с все большей легкостью, повышая эффективность вашей магии!

Вы приобрели навык [Сопротивление жару]!

Вы изучили навык [Наложение заклинаний]! Благодаря экспериментам и опыту вы научились непрерывно вызывать заклинания при увеличенной стоимости маны! Эффективность и эффективность улучшатся благодаря использованию!

Благодаря навыкам сопротивления и вновь приобретенной близости Морган сумела вернуть свое здоровье обратно в показатель тройной цифры крайне незначительным усилием. Еще одна порция сгорания маны заставила ее вернуться к испусканию нового [Пульса Маны] из всех сил.

Магия взорвалась вверх от ее тела, как бушующий фиолетовый факел, который яркой свечой пылал в ритме с ее стучащим сердцем.

Ее кожа начала мерцать и трескаться, пылающая кровь просачивалась из тонких трещин и вспыхивала, обращаясь тонким паром, как только она покидала ее тело. Когда ее здоровье снова стало приближаться к своему критическому уровню, как раньше, оно изменило состояние, вновь активируя способность к восстановлению.

Каждой обновлении означало наступление еще одного стека [Сгорания маны], за которым следовало бы новое сопротивление, большее сопротивление, и еще больше боли.

Еще два уровня в [Сродство Маной] позволили Морган вложить по-настоящему непристойное количество энергии в новое заклинание.

Ее зрение уже покинуло ее, Морган ослепла, раскаленная кровь непрерывно сжигалось у ее глаз изнутри. Она обнаружила, что ей не нужны глаза, чтобы получать новые уведомления. Они появлялись один за другим, в этой вечности горения между каждым серебристым посланием надежды в этом изнасиловании.

Каждый уровень сопротивлений означал, что она потеряла чуть меньше показаний жизни, когда она исцелялась с помощью [Голого Восстановления], и также получала несколько уровней в этом навыке.

Но каждый стек, добавленный в [Горение Маны], делал жар еще более интенсивным. [Сопротивление боли] быстро набирала уровни, но его едва хватало, чтобы держать ее в сознании. Когда Морган запустила новый [Пульс Маны], чтобы снова исцелить себя,

[Горение Маны] достигло десятого стека.

[Горение Маны] достигло максимального предела и вызвало [Каскад Маны]!

Тело Морган затрясло из-за того, что уровень навыка [Сопротивление Боли] оказался слишком слабым перед наступлением того, что с ней в этот миг произошло. Ей больше не приходилось самой направлять свое импульсное заклинание, чтобы выталкивать из своего тела разрастающийся поток маны, поскольку он сам взорвался в раскаленной волне, которая потрясла древнее дерево вплоть до самых его корней.

И потом все закончилось.

Ее здоровье осталось на грани минимальных цифр, но она оставалась хоть как-то жива. Ее тело было опустошено от костей до самой ее вздутой и потрескавшейся кожи. Морган перевернулась с взломанным кашлем, выплескивая песчаный осколок, которым стал кусочек ее постоянно тлевших легких, когда они восстанавливались. С усилием воли, которого она не понимала, но которым она обладала, Морган активировала свое мастерство восстановления всего лишь на краткий момент времени, которое потребовалось, чтобы исцелить ее глаза, чтобы снова ими видеть. Ее любимая мочалка валялась рядом на удивление целой, на дереве, вместе с ней, хотя и слегка подпеченная, и резче проявляя свой цвет. Когда она снова схватила ее себе, последнее уведомление стало новостью для Морган, до того как она потеряла сознание.

Вы пережили [Каскад Маны]! Вы достигли этого подвига под Аспектом [Голое выживание], Аспект увеличился в ранге, чтобы стать [Голым сродством]!

На этот раз Морган уснула до рассвета.

примечание от переводчика. В оригинале Морган придумала фрукту новое название: "churple". Учитывая эротический и сексуальный подтекст событий, это намёк на "чупа-чупс фиолетовый" - chupa-purple. Учитывая что она лизала и сосала нечто округленное и фиолетового цвета... в ее голове вполне могли возникнуть эти эро-сексуальные мысли.

<http://tl.rulate.ru/book/19712/407788>